

Научная статья

УДК 811.111

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-125-144

Прагматика времени и пространства в художественной модификации исторических событий

Мария Ивановна Киосе¹

Евдокия Дмитриевна Чулкова²

^{1, 2} Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

¹ Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

² Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Москва, Россия

¹ maria_kiose@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

² chulkova.evdokia@yandex.ru

Аннотация

Исследование нацелено на установление прагматических характеристик времени и пространства в историческом дискурсе, обусловленных увеличением его художественного потенциала. Определена высокая степень интердискурсивной и интрадискурсивной прагматикализации времени, проявляющаяся в усилении акцента на неопределенность продолжительности действия, при этом на время его начала и конца, на большую определенность времени одного действия относительно других, а также на временную характеристику участников. Степень прагматикализации пространства значительно ниже и проявляется в усилении направленности действий участников, что, предположительно, отражает тенденцию к динамизации художественного дискурса.

© Киосе М. И., Чулкова Е. Д., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 125–144

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 125–144

Ключевые слова

время, пространство, историческое событие, прагматика дискурса, художественный дискурс

Для цитирования

Киосе М. И., Чулкова Е. Д. Прагматика времени и пространства в художественной модификации исторических событий // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 125–144. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-125-144

The Pragmatics of Time and Space in Historical Events Modification in Fiction

Maria I. Kiose¹, Evdokia D. Chulkova²

^{1,2} Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

² Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs
Moscow, Russian Federation

¹ maria_kiose@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

² chulkova.evdokia@yandex.ru

Abstract

The study identifies the pragmatic characteristics of time and space which appear in fiction historical discourse. High interdiscourse and intradiscourse pragmaticity of time is found in foregrounding unbounded time duration, its beginning and end, relative character of actions, temporal representation of event participants. As opposed to time, pragmaticity of space is significantly lower appearing in directed participants' actions, which is due to higher dynamicity of fiction discourse.

Keywords

time, space, historical event, discourse pragmatics, fiction discourse

For citation

Kiose M. I., Chulkova E. D. The Pragmatics of Time and Space in Historical Events Modification in Fiction. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 125–144. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-125-144

Вводные замечания

В современной прагматике возрастает интерес к художественному дискурсу, что обусловлено поиском возможностей и ограничений прагматических модификаций в художественном – а значит, креативном – «способе осмысления действительности посредством различных культурных моделей мира» [Лотман, 1998, с. 237]. Именно прагматический потенциал художественного произведения определяется как наиболее значимая из его характеристик. Как указывает С. Т. Золян, первым из ключевых объектов анализа в лотмановской концепции текста, и прежде всего художественного текста, являются прагматические факторы и критерии текста: «разграничение между текстом и не-текстом основано не на лингвистических или семантических, а на прагматических (социокультурных) критериях» [Золян, 2020, с. 13–14]. Исследование прагматизации семантических явлений, обусловленной характером дискурса (см. также замечания Ю. М. Лотмана о семантической и прагматической перекодировках художественного текста), позволяет установить в нем особые способы «сцепления с реальностью» [Там же, с. 41]. В этом смысле обращение к прагматике времени и пространства художественного дискурса, которые непосредственно участвуют в этом «сцеплении» при конструировании событий, оказывается чрезвычайно актуальным.

Как известно, в семантических концепциях текста время и пространство определяются как категории текста, структурирующие его события. При этом «время понимается скорее как вместилище событий (т. е. пространственно), чем как безликая числовая ось: время проходит под знаком событий, которые и определяют его “качество”, значимость с точки зрения говорящего» [Яковлева, 2004, с. 825]; в связи с этим для данного подхода характерно признание интерпретируемости времени и пространства, а значит, их прагматического потенциала. Например, при описании континуума, или «непрерывного образования чего-то, т. е. нерасчлененного потока движения во времени и пространстве» в художественном произведении. И. Р. Гальперин указывает на нарушение в нем линейной последовательности событий, что приводит к смешению и переплетению временных планов и задает определенное членение отрезков текста [Гальперин, 2006, с. 87]. При этом отмечается, что в художественных текстах пространственный континуум отображается более точно, чем временной, так как локации берутся из реальной жизни, а временной континуум может быть

выражен особыми средствами, роль которых – выделить некоторую информацию в тексте, приблизив ее к читателю.

В семиотике художественного текста прагматика времени и пространства становится самостоятельным объектом анализа прежде всего в рамках дектики (термин, предложенный Ю. С. Степановым), или парадигмы эгоцентрических слов – «слов и выражений, ориентированных на “Эго”, на “Я” говорящего» [Степанов, 1998, с. 382]; относительно «Я» говорящего и выстраиваются проявления пространства и времени в рамках координат «Я – здесь – сейчас». Главное свойство этих координат состоит в том, чтобы отразить «отношение языка к говорящему, заключающееся в присвоении себе языка в момент – и на момент – речи» [Там же, с. 381]. Соответственно, объектом анализа данного направления становятся особенности функционирования эгоцентрических слов типа *я, ты, здесь, недавно, теперь, тогда* и под. с целью описания их функций в рамках единой системы (см. также в [Фещенко, 2023]). На индивидуально-личностный характер в интерпретации времени и пространства указывается в работе Д. Б. Никуличевой, которая разграничивает ряд моделей их концептуализации в зависимости от «точки отсчета», в качестве которой выступает либо космоцентрический, либо антропоцентрический взгляд говорящего [Никуличева, 2015].

В настоящей работе развивается когнитивно-дискурсивный подход к анализу времени и пространства. В когнитивной лингвистике, где моделирование (конструирование) мира реализуется с применением ментальных моделей, время и пространство предстают как комплексные области знания высокого уровня абстракции, имеющие фреймовую концептуальную структуру, компоненты которой часто подвергаются метафоризации [Langacker, 2000; Talmy, 2000; Fauconnier, Turner, 2003; Кубрякова, 2004]. Именно метафорический аспект репрезентации времени и пространства является наиболее изученным в данной парадигме, в том числе в полимодальном аспекте и в сопоставлении разных языков и культур (см., например, в [Evans, 2004; Fuhrman, Boroditsky, 2010; Casasanto, Jasmin, 2012]); в меньшей степени при этом освещена их дискурсивно-коммуникативная роль. Однако прагматикализация времени и пространства (точнее – их семантики) может быть обусловлена разными факторами, связанными со сменой условий коммуникативной ситуации или сменой типа или жанра дискурса «в пользу» демонстрирующих больший прагматический потенциал. В статье мы рассмотрим второй вариант, который наблюдается при трансформации дискурса, характеризующейся усилением его художест-

венности, а значит, и прагматического потенциала. Для реализации данной цели анализу подвергается исторический дискурс в его жанрах – научно-энциклопедическом, публицистическом и художественном (исторические романы), на материале которого возможно проследить модификации в семантическом конструировании времени и пространства, приобретающих прагматические характеристики. Важно отметить, что художественный исторический дискурс в этом смысле выступает в виде вторичного, важной прагматической чертой которого является наличие оценки, индивидуальной интерпретации автором уже свершившегося и зафиксированного на письме исторического события, т. е. «вторичный исторический дискурс <...> дополняется опытом самого историка» [Миньяр-Белоручева, 2015, с. 12].

Методология и процедура исследования

Как отмечено выше, время и пространство в когнитивной лингвистике исследуются как фреймы, на что указывают их комплексная концептуальная природа и высокая степень метафоризации семантических компонентов [Fauconnier, Turner, 2003; Evans, 2004]. Они часто рассматриваются в рамках единого фрейма, демонстрирующего такие семантические характеристики, как ограниченность / неограниченность, продолжительность, рекуррентность, последовательность, наличие некаузальных связей, наличие каузальных связей, модальность, расстояние, фактуальность / гипотетичность, пространственное конструирование времени, представление отдельных точек во времени и разных систем измерения времени [Lewandowska-Tomaszczyk, 2016, р. 7]. Как указывает Н. Н. Болдырев, «время может интерпретироваться на основе схем, заимствованных из категории геометрических объектов, таких как: точка (полдень, данный момент), отрезок (день, месяц, год), вектор (прошлое, будущее, через месяц), пунктир (иногда, время от времени), последовательность (утро, день, вечер), круг (день за днем, час за часом), линия (вечность, навсегда, с тех пор) и т. д.» [Болдырев, 2016, с. 15]. Функционирование времени и пространства как когнитивно-прагматических феноменов обусловлено тем, что некоторые семантические компоненты в составе их концептуальной структуры начинают выполнять прагматическую функцию, позволяя интерпретировать одни и те же события по-разному в разных дискурсах. Для их установления мы опираемся на разработки в области фреймового анализа, используя при этом предложенную для анализа глагольных фреймов в русском языке

систему FrameBank [Ляшевская, Кашкин 2015; Ляшевская 2016], где время и пространство в составе ряда семантических ролей включены в состав блока «Обстоятельственные характеристики». Можно предположить, что прагматическими характеристиками времени и пространства будут такие особенности их интерпретации, которые обусловлены специфической природой конструирования дискурса с большим прагматическим потенциалом, в нашем случае художественным.

Опишем процедуру и материал исследования.

На первом этапе анализа производится отбор номинаций исторических событий для последующего анализа в них характеристик областей знания *ВРЕМЯ* и *ПРОСТРАНСТВО*. Формулируется список критериев отбора таких номинаций: 1) прямое наименование ими события; 2) их высокая частотность (репрезентативность) в трех типах исторического дискурса – научно-энциклопедическом, публицистическом и художественном; 3) высокий рейтинг самих исторических событий среди событий XX в.

С опорой на данные по репрезентативности в используемых корпусах (НКРЯ и СОСА, с учетом значительно большего объема корпуса СОСА) были определены 10 номинаций часто называемых исторических событий (в скобках дано количество упоминаний в корпусах): *Перестройка* (1 322), *Карибский кризис* (162), *XX съезд КПСС* (136), *Афганская война* (99), *Тегеранская конференция* (82); *The Vietnam War* (4 243), *The Gulf War* (3 490), *D-day* (1 543), *Civil Rights Act* (1 429), *Apollo 11 Moon landing* (1 168).

Материалом исследования послужили: 1) для анализа научно-энциклопедического исторического дискурса – словари и энциклопедии, всего использован 31 источник¹, 2) для анализа публицистического исторического дискурса – подкорпуса, сформированные по фильтрам «общественно-деловая сфера», «публицистика» в НКРЯ; «ACAD», «NEWS» в СОСА; 3) для анализа художественного исторического дискурса – подкорпуса, сформированные по фильтрам «художественные тексты» в НКРЯ и «FIC» в СОСА. Единицей анализа стало предложение, которое далее подвергалось аннотированию (каждое значимое слово в нем, кроме собственно глагольных предикатов, семантика которых отображена в семантике актантов и сирконстантов) на предмет наличия тех или иных семантических ролей, соотносимых с концептуальными компонентами ситуации.

¹ В связи с большим количеством источников укажем только используемые корпуса: Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), The Corpus of Contemporary American English (<https://www.english-corpora.org/coca/>).

Для анализа сформирован рабочий корпус примеров, включающий 991 предложение. Подкорпус был сбалансирован по типу дискурса и включал три блока: 1) 336 предложений (1 249 значимых слов) из текстов, представляющих научно-энциклопедический дискурс (169 русскоязычных и 167 англоязычных); 2) 328 предложений (809 значимых слов) из текстов сформированных публицистических подкорпусов НКРЯ и СОСА (162 русскоязычных и 166 англоязычных); 3) 327 предложений (633 слова) из художественного подкорпуса НКРЯ и СОСА (166 русскоязычных и 161 англоязычных). Как можно видеть, при сходном количестве анализируемых предложений количество значимых (а значит, аннотируемых) слов в научно-энциклопедическом дискурсе в два раза выше, чем в художественном.

На втором этапе анализа с опорой на классификацию семантических ролей, предложенную FrameBank [Ляшевская, 2016, Ляшевская, Кашкин, 2015], устанавливаются семантические роли, и, соответственно, концептуальные компоненты ситуации, описывающие *ВРЕМЯ* и *ПРОСТРАНСТВО* в составе блока «Обстоятельственные характеристики». Так, данный блок включает семантические роли, которые описывают представление *ВРЕМЕНИ*: «Момент» как точка во времени, в котором локализуется ситуация; «Срок» как отрезок времени, в котором локализуется ситуация; «Время» как заранее никак не ограниченная длительность действия; «Возраст» как количество времени с момента появления на свет существа или предмета. Также данный блок включает семантические роли, описывающие представление *ПРОСТРАНСТВА*: «Место» как участок пространства, где локализуется ситуация; «Направление» как сторона, в которую устремлено перемещение, либо сторона, куда ориентирован неподвижный объект; «Траектория» как линия или смежный с ней участок пространства, где происходит перемещение; «Начальная точка» как точка, в которой начинается перемещение; «Конечная точка» как точка, в которой заканчивается перемещение. Для анализа примеров используются элементы методики параметризации дискурса [Зыкова, Киосе, 2020], ранее уже примененной и для анализа художественного текста [Киосе, 2021]. В этом случае ее задачи: 1) установить распределение семантических компонентов, представляющих *ВРЕМЯ* и *ПРОСТРАНСТВО* в трех жанрах исторического дискурса; 2) определить специфические различия в их количественном и качественном употреблении, связанные с поступательным увеличением художественного потенциала дискурса; 3) сформулировать прагматические модификации, проявление которых обусловлено типом дискурса, в нашем случае художественным.

Рассмотрим некоторые примеры установления семантических ролей (концептуальных компонентов) ситуации, описывающих *ВРЕМЯ* и *ПРОСТРАНСТВО*.

Так, в примере (1) *Карибский кризис – резкое обострение междунар. обстановки, вызванное угрозой войны между СССР и США из-за размещения сов. ракетного оружия на Кубе* (ВЭС) обнаруживаем использование семантической роли «Место» в выражении *на Кубе*, где происходит ситуация. Семантическая роль «Момент» определяется в примере (2) *On August 7, 1990, Operation Desert Shield began a mass deployment of coalition forces to protect Saudi oil reserves* (World encyclopedia) в выражении *On August 7, 1990* как некоторой точке во времени, в которой происходит ситуация. В большинстве случаев в примерах одновременно используются несколько указаний на пространственно-временную локализацию. Например, в (3) *Сам Плуг, как военный шофёр, ощущал сейчас всю Афганскую войну нескончаемой дорогой в горах, днями удушающе жаркой, вечерами тянущейся и тянущейся в дырку заката* (НКРЯ), где обнаруживаются указания на «Момент» в *сейчас*, «Место» в *в горах*, «Время» в *днями* и *вечерами*, «Направление» в *в дырку*. Это характерно не только для художественных текстов, но и даже в большей степени для энциклопедических источников. Например, в (4) *В 1943 г. конференция руководителей трех союзных во II Мировой войне держав: СССР (И. Сталин), США (Ф. Рузвельт) и Великобритании (У. Черчилль), состоялась 28 ноября – 1 декабря в Тегеране (Иран)* (БЭС) отмечается присутствие множественных указаний на пространственно-временную локализацию в отношении «Места» в *в Тегеране*, *в Иран*, «Момента» в *в 1943 г.*, «Срока» в *28 ноября – 1 декабря* (отметим, что в данном примере СССР, США и Великобритания представлены не как «Место», а как «Тема», или пассивный участник ситуации, который не меняется в ходе ее развития, так как указывают не на локацию участников, а на их принадлежность к сообществу людей, стране).

На третьем этапе с применением методов описательной и аналитической статистики устанавливаются: 1) распределение концептуальных компонентов, представляющих *ВРЕМЯ* и *ПРОСТРАНСТВО* в трех жанрах исторического дискурса; 2) наличие значимых различий в их распределении в трех жанрах дискурса, на основании чего определяются интердискурсивные прагматические модификации в репрезентации *ВРЕМЕНИ* и *ПРОСТРАНСТВА* в историческом дискурсе с усилением его художественного потенциала; 3) кластеры событий в трех жанрах дискурса, позво-

ляющие в ходе сопоставительного анализа установить интрадискурсивные прагматические модификации *ВРЕМЕНИ* и *ПРОСТРАНСТВА*.

**Прагматика *ВРЕМЕНИ*:
особенности художественной модификации**

Представим данные, демонстрирующие особенности использования семантических компонентов *ВРЕМЕНИ* в трех жанрах дискурса (табл. 1).

Таблица 1

Распределение семантических компонентов *ВРЕМЕНИ*
в трех жанрах дискурса, абс.

Table 1

TIME semantic components distribution in three discourse genres, abs.

Дискурс	Момент	Срок	Время	Возраст
Научно-энциклопедический	123	74	7	4
Публицистический	84	39	85	2
Художественный	76	46	62	10

Полученные результаты демонстрируют, что проявления разных семантических компонентов *ВРЕМЕНИ* варьируются в дискурсах. Представим на рис. 1 относительное распределение данных компонентов.

Как можно видеть, для научно-энциклопедического дискурса характерна репрезентация «Момента» и «Срока» *ВРЕМЕНИ*, в то время как для публицистического дискурса количество указаний на «Срок» значительно ниже при возрастании указаний на «Время»; эта тенденция усиливается с проявлением художественного потенциала дискурса наряду с ослаблением компонента «Момент». Таким образом, констатируем, что при художественной модификации исторических событий прагматическая репрезентация *ВРЕМЕНИ* характеризуется усилением акцента на неопределенность продолжительности времени действия или события, на время начала и конца действия или события и на большую определенность времени действия относительно других действий или событий. Также наблюдаем увеличение показателей координаты «Возраст», что свидетельствует об усилении временной характеристики участников и событий. Рассмотрим некоторые примеры.

Рис. 1. Распределение семантических компонентов *ВРЕМЕНИ* в трех жанрах дискурса, отн.

Fig. 1. *TIME* semantic components distribution in three discourse genres, ratio

Так, в научно-энциклопедическом и публицистическом дискурсах типичными оказываются следующие случаи указания на время: (5) *The Civil Rights Act of 1964 was a landmark piece of national legislation, not only for the civil rights movement but for the emerging women's movement of the 1960s* (Encyclopedia Virginia), (6) *Если взять сотню самых примечательных фотографий нашего века, то среди них обязательно окажется и эта – Сталин, Черчилль и Рузвельт во время Тегеранской конференции 1943 года* (НКРЯ), где встречаем указание на «Срок» в *the 1960s* и в *во время*, «Момент» в *1964, нашего века, во время, 1943 года*. Рассмотрим для сравнения некоторые примеры из художественного дискурса: в (7) *Тогда был как раз карибский кризис* (НКРЯ), (8) *Soon, the 23-year-old Vietnam War veteran was showing up at the science lab joining conversations with her and other students* (COCA), где обнаруживаем репрезентацию «Времени» в *тогда* и *soon*, которые соотносят соответствующие ситуации с другими, происходящими

либо в этот же момент, либо ранее, а также указание на «Возраст» участника ситуации, которое представляет его особую характеристику.

Для ответа на вопрос, в отношении каких семантических компонентов *ВРЕМЕНИ* указанные модификации являются статистически значимыми (т. е. их прагматикализация действительно обусловлена усилением художественного потенциала дискурса), проведем однофакторный непараметрический анализ ANOVA, где в качестве зависимых переменных выступают четыре компонента *ВРЕМЕНИ* в отношении каждого из десяти исторических событий, а в качестве группирующей – три жанра исторического дискурса. Результаты демонстрируют наличие значимых различий в использовании трех компонентов – «Момент» (Крускал-Уоллис $\chi^2(2) = 7,9$, $p = 0,19$), «Срока» (Крускал-Уоллис $\chi^2(2) = 9,9$, $p = 0,07$) и «Времени» (Крускал-Уоллис $\chi^2(2) = 6,7$, $p = 0,04$), реализация которых определяется спецификой прагматикализации семантической структуры *ВРЕМЕНИ* в художественном дискурсе. Однако важно установить, отличается ли проявление этих компонентов при конструировании разных событий. Для этого проведен кластерный анализ по десяти событиям отдельно в трех жанрах дискурса, и выбраны кластерные решения с учетом расстояния между кластерами; приведем на рис. 2 и 3 решения по двум дискурсам. На рис. 2 наблюдаем разбиение в научно-энциклопедическом дискурсе исторических событий на три кластера.

В первом кластере (Перестройка и XX съезд КПСС) обнаружено увеличение частотности компонента «Срок», во втором (The Vietnam War, Тегеранская конференция, Civil Rights Act) – сходные значения компонентов «Срок» и «Момент», в третьем (Карибский кризис, The Gulf War, D-day, Афганская война, Apollo 11 moon landing) – значительное увеличение значений компонента «Момент». Кластерное решение в отношении публицистического дискурса также найдено с разбиением на три кластера, однако расстояние между кластерами в данном дискурсе больше. В первом кластере (Перестройка и The Vietnam War) обнаружено увеличение частотности компонента «Срок», во втором кластере (Тегеранская конференция и Apollo 11 moon landing) – компонента «Момент», в третьем – значительное увеличение частотности этого компонента.

На рис. 3 приведено решение в отношении художественного дискурса. Как видно из результатов, в этом случае наблюдается большее варьирование в конструировании *ВРЕМЕНИ* в исторических событиях, так как расстояние между кластерами в данном дискурсе значительно больше;

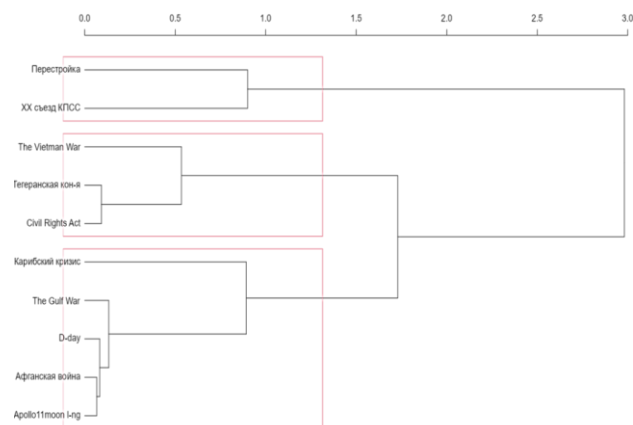

Рис. 2. Кластерное решение по распределению компонентов *ВРЕМЕНИ* в событиях в научно-энциклопедическом дискурсе

Fig. 2. *TIME* components mediating clustering historical events in encyclopedic discourse

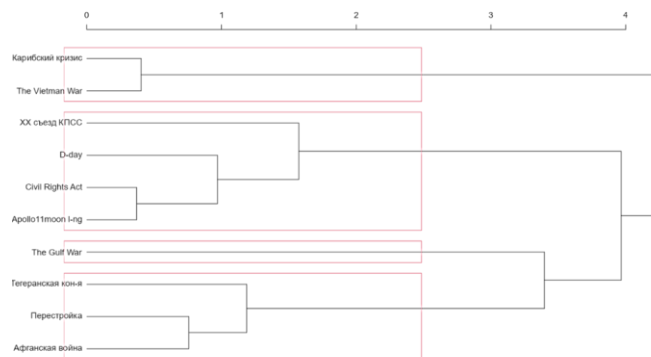

Рис. 3. Кластерное решение по распределению компонентов *ВРЕМЕНИ* в событиях в художественном дискурсе.

Fig. 3. *TIME* components mediating clustering historical events in fiction discourse

во втором кластере наблюдаем значительное увеличение частотности компонента «Срок», а в четвертом кластере (Тегеранская война, Перестройка и Афганская война) – компонента «Время».

Таким образом, можно сделать вывод о проявлении как интердискурсивных, так и интрадискурсивных прагматических модификаций *ВРЕМЕНИ*, где увеличение художественного потенциала дискурса приводит к усилению относительного характера времени, а также его роли в характеристике субъектов и объектов дискурса и к увеличению варьирования в репрезентации времени в дискурсе.

Прагматика *ПРОСТРАНСТВА*: особенности художественной модификации

Представим данные, демонстрирующие особенности использования семантических компонентов *ПРОСТРАНСТВА* в трех жанрах дискурса (табл. 2).

Таблица 2
Распределение семантических компонентов *ПРОСТРАНСТВА*
в трех жанрах дискурса, абс.

Table 2
SPACE semantic components distribution in three discourse genres, abs.

Дискурс	Место	Направление	Траектория	Начальная точка	Конечная точка
Научно-энциклопедический	134	9	4	18	18
Публицистический	95	4	2	25	11
Художественный	152	26	0	18	30

Результаты показывают достаточно сходное распределение семантических компонентов *ПРОСТРАНСТВА*. Представим на рис. 4 их относительное распределение.

Рис. 4. Распределение семантических компонентов *ПРОСТРАНСТВА* в трех жанрах дискурса, отн.

Fig. 4. *TIME* semantic components distribution in three discourse genres, ratio

Рисунок 4 демонстрирует сходство в значительном превалировании компонента «Место» в трех жанрах дискурса; при этом в публицистическом дискурсе наблюдается небольшое увеличение значений компонент «Начальная точка», а в художественном – «Направление». Можно заключить, что художественная модификация исторических событий слабо влияет на прагматическое содержание в репрезентации *ПРОСТРАНСТВА*, проявляясь только в усилении направленности действий участников ситуации. Рассмотрим некоторые примеры.

Так, в художественном дискурсе более частотными оказываются примеры с указанием «Направления». В примерах (9) *You go from D-Day to Pearl Harbor, to Anzo, all of it in black and white, interrupted by colorful ads for restaurant chains* (COCA), (10) *Or from Bernard Whitehouse's – because after the ennui of weeks of full-scale preparation for the invasion of Normandy, after simulating day after day the actual takeoff with the entire troop carrier group flying in formation, not knowing each day until they were in flight it was D-day, when on June 6 that man, his major, squadron C.O., flying straight for France heard those words* (COCA) встречаем репрезентацию «Направления» в *to Pearl Harbor, to Anzo, for France*, что нетипично для других типов

дискурса. Можно предположить, что усиление направленности действия в целом связано с тенденцией к динамизации художественного дискурса.

Далее проведен однофакторный непараметрический анализ ANOVA, где в качестве зависимых переменных выступали пять типов семантических компонентов *ПРОСТРАНСТВА* в отношении каждого из десяти исторических событий, а в качестве группирующей – три типа исторического дискурса. Результаты демонстрируют отсутствие значимых различий в использовании всех компонентов (Крускал-Уоллис $\chi^2(2) = 3,53-0,8$ при $p = 0,17-0,67$), что дополнительно подтверждает сходство в особенностях конструирования *ПРОСТРАНСТВА*, определяемых жанром исторического дискурса.

Кластерный анализ по десяти событиям отдельно в трех жанрах дискурса показал достаточное сходство в конструировании *ПРОСТРАНСТВА*; так, в научно-энциклопедическом и публицистическом дискурсах обнаружены решения, включающие два кластера с небольшим расстоянием между ним. В художественном дискурсе лучшим стало решение из трех кластеров, расстояние между ними больше. На рис. 5 наблюдаем разбиение в художественном дискурсе исторических событий на три кластера.

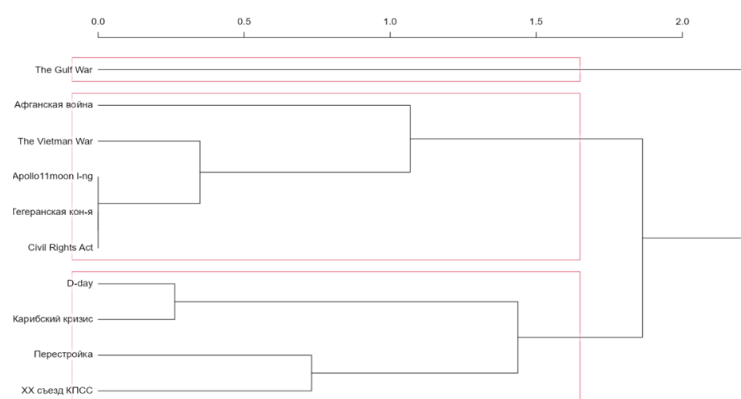

Рис. 5. Кластерное решение по распределению компонентов *ПРОСТРАНСТВА* в событиях в художественном дискурсе

Fig. 5. SPACE components mediating clustering historical events in fiction discourse

Во втором кластере (Афганская война, The Vietnam War, Apollo 11 moon landing, Тегеранская конференция и Civil Rights Act) наблюдаем увеличение частотности компонента «Место», в третьем – значительное увеличение; в событии The Gulf War компоненты *ПРОСТРАНСТВА* представлены слабо.

Таким образом, можно сделать вывод о слабом проявлении интердискурсивных и интрадискурсивных прагматических модификаций семантики *ПРОСТРАНСТВА*, где увеличение художественного потенциала дискурса приводит к некоторому усилению направленности действия и относительно невысокому росту вариативности в конструировании *ПРОСТРАНСТВА*.

Заключение

Проведенный на материале трех жанров исторического дискурса анализ демонстрирует значительно более высокую прагматикализацию в семантике времени, чем в семантике пространства в художественном дискурсе. В этом смысле работа в целом подтверждает и уточняет наблюдения, сделанные исследователями семантики текста в отношении того, что в художественных текстах пространство отображается более точно, чем время (см. [Гальперин, 2006]). Как мы показали, увеличение художественного потенциала в конструировании исторических событий сопровождается поступательным усилением акцента на неопределенность продолжительности времени действия. Отмечена и прагматикализация, выражающаяся в усилении акцента на время начала и конца действия или события, на большую определенность времени действия относительно других действий, а также на временную характеристику участников. При этом анализ выявил и значительную интрадискурсивную прагматикализацию времени применительно к разным событиям.

По сравнению с семантикой времени, семантика пространства в меньшей степени подвергается прагматикализации, обусловленной художественным потенциалом дискурса (по меньшей мере, в исторических романах). В интердискурсивном плане она проявляется только в усилении направленности действий участников ситуации, что, предположительно, отражает тенденцию к динамизации художественного дискурса. Интрадискурсивная прагматика реализуется в очень слабой степени, т. е. вариативность в конструировании пространства в разных событиях невелика.

Результаты исследования показывают, что прагматика времени и пространства в художественном дискурсе проявляется не только в их метафо-

ризации (в самом широком плане) [Fauconnier, Turner, 2003; Evans, 2004], но и в семантических трансформациях, которые, в свою очередь, формируют прагматический потенциал в их репрезентации.

Список литературы

- Болдырев Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
- Золян С. Т.* Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации. 2-е изд. М.: ЯСК, 2020. 320 с.
- Зыкова И. В., Киосе М. И.* Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.
- Киосе М. И.* Лингвокреативность в дискурсе детской литературы // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности / Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 363–451.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: ЯСК, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура)
- Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 702 с.
- Ляшевская О. Н.* Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: ЯСК, Рукописные памятники Древней Руси, 2016. 520 с.
- Ляшевская О. Н., Кашкин Е. В.* Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 464–555.
- Миньяр-Белоручева А. П.* Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Т. 2, № 2. С. 8–16.
- Никуличева Д. Б.* Перцепция времени и ее корреляция с темпоральными категориями языка // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 39–50.
- Степанов Ю. С.* Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.

Фещенко В. В. Экспериментальный дейксис в пространстве поэтического текста // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 2. С. 49–66.

Яковлева Е. С. Жизнь в терминах времени: эпоха, дни, век, времена // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2004. С. 825–832.

Casasanto D., Jasmin K. The Hands of Time: Temporal gestures in English speakers // *Cognitive linguistics*. 2012. No. 23 (4). P. 643–674.

Evans V. The Structure of Time: Language, Meaning and Temporal Cognition. Amsterdam: John Benjamins, 2004. 286 p.

Fuhrman O., Boroditsky L. Cross-cultural differences in mental representations of time: Evidence from an Implicit Nonlinguistic Task // *Cognitive Science*. 2010. No. 34 (8). P. 1430–1451.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2003. 464 p.

Langacker R. W. Grammar and conceptualization. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. XIII. 427 p.

Lewandowska-Tomaszczyk B. Introducing conceptualizations of time // *Conceptualizations of Time*. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins, 2016. P. 6–19.

Talmy L. Toward a cognitive semantics. Cambridge: MIT Press, 2000. Vol. 1: Concept Structuring Systems. viii + 495 p.

References

Boldyrev N. N. Kognitivnye skhemy yazykovoi interpretatsii [Cognitive schemas of language interpretation]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, vol. 4, pp. 10–20. (in Russ.)

Casasanto D., Jasmin K. The Hands of Time: Temporal gestures in English speakers. *Cognitive linguistics*, 2012, no. 23 (4), pp. 643–674.

Evans V. The Structure of Time: Language, Meaning and Temporal Cognition. Amsterdam, John Benjamins, 2004, 286 p.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities. New York, Basic Books, 2003, 464 p.

Feshchenko V. V. Experimental deixis in the space of poetic text. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 49–66. (in Russ.)

Fuhrman O., Boroditsky L. Cross-cultural differences in mental representations of time: Evidence from an Implicit Nonlinguistic Task. *Cognitive Science*, 2010, no. 34 (8), pp. 1430–1451.

Galperin I. P. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. 4th ed. Moscow, KoMKniga, 2006, 144 p. (in Russ.)

Kiose M. I. *Lingvokreativnost' v diskurse detskoj literatury* [Linguistic creativity in the discourse of children's literature]. In: Zyкова I. V. (ed.). *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: predely i vozmozhnosti* [Linguistic creativity in different types of discourses: Its Limits and Possibilities]. Moscow, Valent, 2021, pp. 363–451. (in Russ.)

Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to knowledge of language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Russian Academy of Science, Institute of Linguistics. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 560 p. (in Russ.)

Langacker R. W. *Grammar and conceptualization*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2000, XIII, 427 p.

Lewandowska-Tomaszczyk B. *Introducing conceptualizations of time*. In: *Conceptualizations of Time*. Amsterdam & Philadelphia, PA, John Benjamins, 2016, pp. 6–19.

Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1998, 702 p. (in Russ.)

Lyashevskaya O. N. *Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniyakh russkogo yazyka* [Corpus instruments for Russian grammar studies]. Moscow, YaSK Publ., *Rukopisnye pamyatnik Drevnei Rusi*, 2016, 520 p. (in Russ.)

Lyashevskaya O. N., Kashkin E. V. *Tipy informatsii o leksicheskikh konstruktsiyakh v sisteme FreiMBank* [Types of information about lexical constructions in the FrameBank system]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2015, vol. 6, pp. 464–555. (in Russ.)

Minyar-Beloruicheva A. P. *Tipologiya istoricheskogo diskursa* [Tipology of historical discourse]. *Language and Text*, 2015, vol. 2, pp. 8–16. (in Russ.)

Nikulicheva D. B. *Pertsepsiya vremeni i ee korrelyatsiya s temporal'nymi kategoriyami yazyka* [Perception of time and its correlation with temporal categories of language]. In: *Man: Image and Essence. Humanitarian aspects. Sensing person: Perception in modern humanitarian knowledge*. Moscow, INION RAN, 2015, pp. 39–50. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Yazyk i Metod. K sovremennoi filosofii yazyka [Language and Method. Towards modern philosophy of language]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1998, 784 p. (in Russ.)

Talmy L. Toward a cognitive semantics. Cambridge, MIT Press, 2000, vol. 1: Concept Structuring Systems. viii + 495 p.

Zolyan S. T. Yurii Lotman: O smysle, tekste, istorii. Temy i variatsii [Yuri Lotman: About meaning, text, history]. 2nd ed. Moscow, YaSK Publ., 2020, 320 p. (in Russ.)

Zykova I. V., Kiose M. I. Parametrizatsiya lingvisticheskoi kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs. diskurs detskoi literatury [Linguistic creativity parametrization in contrasting discourse types: Cinematic discourse vs discourse of children's literature]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2020, vol. 2, pp. 26–40. (in Russ.)

Информация об авторах

Мария Ивановна Киосе, доктор филологических наук
Евдокия Дмитриевна Чулкова, аспирант

Information about the Authors

Maria I. Kiose, Doctor of Sciences (Philology)
Evdokia D. Chulkova, Post-Graduate Student

*Статья поступила в редакцию 01.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 12.03.2025
The article was submitted on 01.02.2025;
approved after reviewing on 12.03.2025; accepted for publication on 12.03.2025*